

**Соловьев-Несмелов Николай
Александрович**

**Незаметные люди: Очерки и
рассказы**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Н63

Н63 **Николай Александрович С.**
Незаметные люди: Очерки и рассказы / Соловьев-Несмелов Николай Александрович – М.: Книга по Требованию, 2026. – 263 с.

ISBN 978-5-519-74848-3

ISBN 978-5-519-74848-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

И обвила Катерина жилистыми руками дубовый крестъ и стояла молча, словно не могла оторваться отъ этой неизвѣстной ей, но дорогой могилы. Луна спряталась за облака; и крестъ, и Катерина, и собаченка слились въ одно темное пятно. Прошло минутъ пять, послышались шорохъ и окликъ:

— Собачка, гдѣ ты? Помянули матушку родимую, идемъ дальше!.. Приблудная ты, приластилась ко мнѣ, значить, и у тебя пѣту своего двора-пристанища, ну, и ходи со мной, пока ноги насъ несятъ... куда-нибудь дойдемъ путемъ-дорогой... не визжи... говорю дойдемъ, покормимся... кускомъ хлѣба не объѣдимъ никого, Божьи твари!..

Въ затихшемъ, казалось, застывшемъ воздухѣ издалека пронесся скрипъ очепы, гдѣ-то тявкнула собака, за ней другая, третья,—черезъ минуту уже слышался отрывистый собачій лай. Опять тихо. Вотъ простучала телѣга, протяжно проскрипѣли ворота, гулко прокатилось [веселое ржанье лошади; снова залились дружнымъ лаемъ собаки. Какой-то песъ особенно выдѣлялся изъ визгливого лаи и, не видя никого, настойчиво облаивалъ хрипло, грубо, нахально кого-то. Минутами его заглушало нетерпѣливое ржанье сытаго коня, недовольнаго, что онъ на привязи и нѣтъ ему ходу-воли. Но вотъ смолкла собачья брехотня, смолкъ и хриплый лай пса-нахала. И откуда-то въ затишьи наступившей ночи потянулась грустная, надтреснутая пѣсня: «Не пылий-ить до-ро-женька во по-лѣ, полѣ чии-ис-томъ... иии... поо-лѣ чии-ис-томъ». Пѣсня тянулась тоскливо, щемяще, и какъ-то разомъ затихла, словно замерла въ слезахъ въ сердцѣ пѣвца; черезъ минуту вырвалось изъ наболѣвшей груди тяжелымъ стономъ: «эээхъ-хе-хе-хе, горе-горькое... ууу, горькое!..» Ка-

кая-то дрема охватила разомъ и село, и глинистый овражекъ, и навозный мостишка на маленькой рѣченкѣ. Въ эту минуту Катерина, отойдя отъ кладбища, какъ разъ переходила съ собаченкой маленькой мостишка, она шла въ село на огоньки. Вотъ поднялась Катерина на холмъ и тутъ же вошла въ улицу. Она тихо пошла на первый огонекъ, привѣтливо мигавшій изъ маленькаго оконца, тихо постучала въ это оконце и подала голосъ:

— Господе Иисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ!.. Хозяюшки, пустите переночевать страннаго человѣка!..

По избѣ зашевелился огонекъ и послышался крикливый женскій голосъ:

— Иди мимо... нѣту мѣста... ребятъ полна изба, не до чужихъ людей!..

— Храни, Господь, дѣтушекъ въ добромъ здоровьи, ласковая! — отвѣтила Катерина и пошла дальше.

Прошла Катерина одну, другую, третью избу, вездѣ привѣтливо мигали огоньки; она порывисто двинулась къ пятой избѣ. Съ завалины бросилась большая кудластая собака на собаченку, поджавшую хвостъ и вертѣвшуюся около подола Катерины. Катерина взмахнула ногою, — кудластая собака отскочила въ сторону и начала отрывисто лаять. Катерина подошла къ завалинѣ, стукнула въ оконце, сотворила молитву и проговорила:

— Добрые люди, пустите странную ночь скоротать!..

Подошелъ человѣкъ, припалъ къ стеклу, послышался старческій хриплый окликъ:

— Не знасмъ, что ты за человѣкъ, и пустить, значитъ, нельзя... можетъ, ты и съ лихостью идешь!..

— Господь храни тебя, родненькій!.. Идемъ, собачка, дальше!.. Тутъ, видно, живутъ богатые, боятся они за свои достатки ..

Пошла Катерина дальше, прошла пять-шесть избъ... вездѣ-то, вездѣ привѣтливо мигаютъ огоньки. «Куда стукнуть, въ какое окно?» думаетъ Катерина — не поднимается рука... Вотъ съ завалины бросились двѣ собаки, изъ подворотни выскочила третья, подлетѣли онѣ къ собаченкѣ, окружили Катерину и лаютъ ожесточеннымъ лаемъ. Стоитъ Катерина какъ вкопанная; собаки рвутся къ ней, собаченка припала къ ногамъ ея; взмахнула Катерина подогомъ—разсыпались собаки, завыли. Выскочилъ изъ калитки рослый мужикъ безъ шапки, крикнулъ на собакъ:

— Цыцъ, бѣсѣ васъ ѣшь!.. Кто тутъ бродить не въ урочный часъ?..

— Видишь, милый, идетъ человѣкъ... уголочка ищеть съ собачкой, гдѣ бы имъ обночевать...

— Придется, видно, вамъ въ поле идти... Ночесъ у насъ шалили, двухъ коней свели изъ села—у дяди Панкрата да у дяди Панфила,—нигдѣ теперича тебя не пустятъ... Ишь, ты какъ обряжена не по закону: не то ты мужикъ, не то баба!..

— Охъ, горе-горькое! лихость какая!.. Безъ коня мужикъ, что безъ рукъ... Можетъ, найдутся!..

— Не затѣмъ, добродѣйка, воръ воруетъ, чтобы назадъ отдать... Ты теперь какъ-же? Иди-ка вонъ прямо по переулку, тамъ по задамъ-то гумны пойдутъ, въ овинѣ какомъ и обночуеть...

— Спасибо, сердешный... я что... свернусь гдѣ-нибудь, собачка пригрѣетъ, и я пригрѣю ее... до зари-то вздремнемъ подъ Божьимъ пологомъ...

Мужикъ скрылся за калиткой; Катерина повернула улицей направо; собаки ворчливо улеглись на завалинѣ...

Идетъ-идетъ Катерина,—плетни направо, плетни налѣво; огоньки въ избахъ тухнуть; горять огни ярко вдали, влѣво, въ большомъ барскомъ домѣ: Вызвѣздилося небо. Тишь. Отчетливо, звонко доносится рысистый бѣгъ коня отъ господскаго дома; ясно слышитъ Катерина топотъ копытъ; вотъ этотъ топотъ совсѣмъ надъ ея ухомъ, порывистый горячій храпъ налетѣвшаго коня охвативъ ся щеку Катерина подалась вправо, сытый конь проскочилъ съ ловкимъ сѣдокомъ мимо; собаченка взвизгнула и захромала. Катерина наклонилась, осмотрѣла ее; собаченка лизнула ея руку.

— Ничего, собачка, малость задѣлъ тебя конь, пройдетъ! Ишь его какъ гонитъ, съ радости али съ горя скачетъ,—отъ своего не уйдетъ, не ускачетъ!

Пошарила Катерина за пазухой, сунула собаченкѣ кренделекъ, собаченка затихла — похрустываетъ. Идетъ Катерина дальше; плетни пропали, гумень не видно, овиновъ цѣтъ какъ нѣтъ. . Побрела Катерина глинистымъ оврагомъ; прошло десять-пятнадцать минутъ, чувствуетъ она ноги спускаются по глини ниже и ниже, оглядѣлась—опять навозный мостишка, перешла его—видитъ передъ ней ровъ, грустные вязы, кладбище. Постояла Катерина, перепрыгнула межъ двухъ вязовъ къ могильнымъ крестамъ и насыпямъ, слышитъ, позади нея воетъ собаченка; манитъ Катерина собачку ласково, собачка сидитъ у рва—ни съ мѣста.

— Ахъ, я голова садовая, забыла, что ты захромѣла!..

Перепрыгнула Катерина черезъ канаву, взяла собачку на руки. Черезъ минуту она, не спѣша, брела среди могилъ, набрела на ложбинку между двухъ свѣжихъ насыпей, покрытую палыми листьями, и

опустилась на землю. Сняла она съ плечъ узелъ, чапанъ, прикрылась имъ, спрятала подъ чапанъ собаченку и, склонивъ голову на узелъ, вытянулась. Устремила Катерина взоры на звѣздное небо, долго смотрѣла на яркія звѣзды Большой Медвѣдницы, перевела ихъ на Петровъ крестъ и зашептала: «Батюшка, Петръ святой, спаси и помилуй души человѣчи!.. Отведи отъ горя, пошли имъ радости!» Повернула голову, взглядѣлась въ мелкія звѣзды Млечнаго Пути и шептала: «Моисеева дорога... Моисей пророкъ, ты велъ по этому пути твой Божій народъ въ землю стараго рая, помолись у Бога, чтобы Онъ показалъ намъ надежные пути!» Подулъ вѣтерокъ, сталъ навѣвать сонъ-дремоту; зѣвнула Катерина, сказала «хорошо тутъ» смежила очи и спитъ себѣ, но чутко спитъ...

Прошло два-три часа; на востокѣ тускло замигали звѣзды; потянулись бѣлыя полосы, вѣтерокъ грѣпчалъ; Катерина вздрогнула, подняла голову и, позѣвывая, сказала зашевелившейся подъ чапаномъ собаченкѣ:

— Рано еще, лежи! — свернула калачикомъ, и снова задремала.

Прошелъ еще часъ. На востокѣ по тусклому небу развѣртывались, ширились желтыя полосы, вѣтерокъ подулъ порывисто и зашепталъ рѣчисто въ сухихъ вѣтвяхъ сумрачныхъ вязовъ. Межъ двухъ вязовъ неровной ностушью прошла на кладбище молодая дѣвушка въ сѣрой шляпкѣ подъ легкой вуалю; пуховая шаль, накинутая небрежно на плечи поверхъ бурнуса, спустилась низко и падала по спинѣ почти до пятъ. Дѣвушка тревожно озиралась кругомъ; блуждающіе взоры ея скользили безпредметно. Катерина подняла голову, уставилась въ тяжело двигавшуюся дѣвушку...

— Барышня... въ этотъ часъ... на могилкахъ... не въ себѣ!..— прошептала она и ползкомъ двинулась изъ ложбинки по насыпи, прикрывъ собаченку чапаномъ; собаченка, пригрѣвшись, не шевелилась.

Барышня прошла неровными, тяжелыми шагами, словно задѣвая за что, еще сажень и безсильно опустилась у покачнувагося креста. Катерина ползла осторожно къ этому кресту. Барышня сидѣла къ ней спиной, двѣ-три минуты она что-то безпокойно наискивала въ правомъ карманѣ бурнуса, дрожащей рукой быстро вынула что-то маленькое, свѣтлое, вскинула руку къ уху. Надъ головой Катерины прожужжала словно большая муха. Барышня затрепетала, сунула руку въ другой карманъ и вытянула оттуда въ крѣпко сжатомъ кулакѣ пузырекъ. Катерина подползла къ кресту позади барышни, положила ей тихо руку на плечо и въ самое ухо шепнула:

— Одумайся, Божье дитя! Христосъ съ тобой!

Барышня подняла воспаленные глаза на заалѣвшій востокъ.

— Господи, откуда голосъ этотъ!..

Катерина припала щекой къ ея щекѣ.

— Роденькая, Богъ меня сюда велъ, пожалѣлъ твою душеньку!.. Горе твое пройдетъ!..

Барышня склонила голову на плечо Катерины и слезы полились изъ глазъ ея.

— Милушка, поплачь... легче будетъ на сердцѣ... Слезой, что водой, душа обмывается...

Востокъ покрылся ярко-красными полосами; вѣтерокъ стихалъ; въ селѣ на перебой горланили пѣтухи. Катерина подсѣла къ барышнѣ и мягкимъ голосомъ, идущимъ изъ самой груди, заговорила:

— Расскажи, расскажи мнѣ свою недолгую жизнь,

лапушка; а я тебѣ выложу свою долгую словно на ладонѣ... Вонъ солнце проглянуло... сказывай, сказывай!.. Исповѣдуемся Господу при ликѣ солнечномъ, при могилкахъ покойничковъ... ихъ душеньки тоже горе на землѣ видѣли, какъ и мы грѣшные... Послушаютъ они про наше горе и отнесутъ наше покаяніе къ престолу Господнему... и легче будетъ намъ, душа сумятливая! Въ молчаньи жизнь для души райская, да до молчанья люди доходятъ большимъ искусомъ въ большіе года .. Сказывай, какъ твое имя?..

— Марія.

— А по родителю?

— Павловна.

— Какое горюшко приключилось у тебя, Марія Павловна? Отчего такого невыносимаго подняла ты руку на себя?.. Жизнь кто тебѣ далъ? Богъ. Кто ее можетъ взять? Тотъ, Кто ее далъ... Кто послалъ тебя въ міръ: ино страдать, ино падать, подниматься, идти къ свѣтлой полосѣ... Для всѣхъ эта полоска одна, Богомъ означена... и для тебя... Развѣ ты до этой полоски дошла? Развѣ пропла свой путь? Ишъ, ты въ экіе годы что надумала... какой волей изъ этого міра захотѣла выйти!.. Ждать конца-то надо... терпѣть и ждать... онъ придетъ къ каждому въ свой часъ... придетъ по Божьей волѣ... не по нашей!..

Марья Павловна вздрагивала словно отъ пронизывающаго ее холода. Краснымъ шаромъ выплывавшее солнце по краямъ искрилось. Дѣвушка глядѣла пристально на это солнце; Катерина ласково гладила ее по головѣ; она вливала въ ея сердце тепло и твердой властной рѣчью, и участливой душевностью; намученная, сдавленная грудь дѣвушки

вдыхала свѣжій утренній воздухъ ровнѣе и этой груди стало легче. Марья Павловна заговорила:

— Хорошая моя, я изстрадалась!.. Ты простой человекъ, тебѣ я скажу все, все... ты прямѣе *ихъ*, прямо и поймешь... Ахъ, Господи, сколько въ нашей жизни лжи!.. Повѣришь-ли!.. Сестра родная, моя сестра... замужня... жила *съ нимъ* пять лѣтъ и устроила все такъ, что я полюбила *его*, и вотъ только на дняхъ узнала, что *онъ* живетъ съ ней... пойми!.. Любила-ли ты когда?.. Пойми!.. Что мнѣ дѣлать?!

Рыданія оборвали ея истеричную рѣчь.

— Милушка, жируетъ сестрица-то твоя, жируетъ, а ты, голубка, по той дорогѣ не ходи... Выкинь изъ сердца человека такого... душа-то у его пыльная... сладена онъ... ко всему тянется... козелъ блудящій... объѣстся онъ и тошно ему будетъ отъ всей жизни его... Не твоего онъ поля ягода... Такъ-то, лапушка!.. Чую, больно тебѣ!..—Катерина снова припала щекой къ щекамъ дѣвушки, обхватила рукой ея станъ и тихо продолжала:—потерпи, родная, печаль твоя обернется радостью!.. Живи, добрая, помогай тебѣ Богъ!.. Время тебя вылечить.. Болопутниковъ-то не обери свѣтъ... чадно отъ ихъ, а ты въ чадъ-то не лѣзь... Ищи что тебѣ надо—настоящее—и найдешь!.. Голосъ Катерины ласковый и пѣжный, казалось, при послѣднихъ словахъ перешелъ въ дѣтскій, робкій, молящій. Въ черныхъ огнистыхъ глазахъ ея искрились слезы, а на безкровныхъ губахъ свѣтилась добрая улыбка.

— Слушай, слушай, дружная моя, что говоритъ тебѣ Катерина... повидала она много на свѣтѣ, испытала много горя горькаго и отъ горя и въ горѣ полюбила людей... Была я господская, слыхала,

быть можетъ, енерала Трегубова, — его въ живыхъ-то давно нѣтъ, старшія дѣти, почитай, моихъ лѣтъ, — такъ вотъ въ его владѣніяхъ, въ деревнѣ Трегубовкѣ, подъ Чардымомъ селомъ, — на Волгѣ село то, тридцать верстъ отъ Саратова, — и родилась Катерина... Махонькая курная избенка была у родителей, а теперь какъ подумаешь, да вспомнится избенка наша — тоска беретъ... Съ молодыхъ лѣтъ не видала я се — избенку-то... Какъ пропала я изъ деревни своей Трегубовки, тутъ вышло дѣло особое... Енераль-то Трегубовъ не жила въ насъ... наѣздомъ это наѣзжалъ изъ Пѣтера... кой разъ черезъ три года, кой черезъ пять... проживетъ недѣлю — другую и выѣдетъ... и лица его крестьяне хорошенько не запомнили. Всѣмъ дѣломъ воротилъ у его надъ имѣніями управитель, настоящий самоуправникъ... рыжій, носатый, глаза маленькіе, стоячіе, лысина во всю голову... въ годахъ ужъ былъ... женатый... ребятенки были у него, а до дѣвокъ страсть лютой... и махонькимъ, и большимъ ходу не давалъ... сколько это несчастныхъ на свѣтъ оставилъ... Ну, и запримѣтилъ «носатый» меня дѣвченочкой по пятнадцатому году... сейчасъ въ дѣвичью... ходитъ это онъ, бывало, по дѣвичей, тычетъ длинный носъ то къ той, то къ другой въ работу... подойдетъ ко мнѣ, возьметъ этакъ поганю за подбородокъ али потреплетъ за щеку, а глаза его голубенькіе, свинячьи безпутно прыгаютъ, поѣдомъ ѣдятъ... Отвернусь — сплуну, онъ за ухо... рветъ, деретъ, — руки-то что клещи — въ кровь раздеретъ — не крикну, вырвусь — бѣжать куда глаза глядятъ... найдутъ — на конюшню... Разъ драли это до безпамятства... всю шкуру, кажись, спустили, — голоса не подала... съ мѣсяць лежала... очухалась —

встала... опять посадили въ дѣвичью... опять онъ началъ мудрить надо мной... Такъ годъ прошелъ... Урвусь это, бывало, къ болѣзной матушкѣ,—родитель-то померъ, почитай, года три до того, — плачу-плачу—рѣкой зальюсь—на груди родимой,—полегчаетъ сердце...—Катерина задумалась, словно потеряла нить своихъ тяжелыхъ воспоминаній, взглянула на ярко выплывшее солнце, и вдругъ оно ей напомнило страшное утро изъ далекой жизни ея.— Да, да .. Вотъ, милушка, было такое же утро: урвалась я изъ дѣвичьей ранымъ-рано, наболѣло сердце — и не сказать тебѣ—ушла въ лѣсъ... Уйдешь, бывало, въ лѣсъ, бродишь тамъ—и горе, что туманъ спадетъ съ души... Иду это лѣсомъ, солнце вотъ такъ же, какъ теперь, выкатилось на свѣтлое небо. . по листочкамъ золотыми пятнышками лучи его играютъ... птица поетъ... духъ отъ травъ чудесный... хо-ро-шо въ лѣсу!.. Задумалась я, стою словно заворожена... Вдругъ, отколь ни возмись, вывернулся онъ, «носатый», точно сторожилъ меня въ этихъ мѣстахъ и сграбасталъ, такъ сграбасталъ, ажно косточки во мнѣ, кажись, все хрустнули... Вцѣпилась я ему, себя не помню, въ горло... царапаюсь, кусаюсь... слышу—храпить — вырвалась... Не знай задушила его, не знай нѣтъ — чуть глазомъ видѣла: плашмя лежалъ... убѣжала я... Бѣжала-бѣжала — гляжу рѣка путь загородила мнѣ... Почуялся голосъ... такъ ясно, до сердца дошелъ: «топись, покойно будетъ!» Бросилась я съ обрыва, за мной—почудилось мнѣ—камень свалился... Что было дальше—не помню, милушка... Очнулась, вижу: лежу на песчаномъ берегу въ рваной одежѣ... Сидитъ это въ сторонкѣ чужой человѣкъ, худенькій такой, страннй мужичекъ... лицо желтое, словно бы